

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/26/19

ЭФФЕКТ «АМОРТИЗАЦИИ» ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ НА ПРИМЕРЕ НАКАЗАНИЙ ЗА КРАЖУ

Марат Тагирович Валеев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mtv666@yandex.ru

Аннотация. Выдвигается и аргументируется гипотеза об «амортизации» назначаемыми наказаниями за преступления с материальным составом при неизменности и обесценении предусмотренного в нем последствия. Назначаемое наказание «амортизирует» обесценение преступного последствия и происходящее с ним повышение уровня криминализации деяния, что подтверждается проведенным исследованием.

Ключевые слова: уголовное наказание, ответственность за кражу

Для цитирования: Валеев М.Т. Эффект «амортизации» инфляционных процессов при назначении уголовного наказания на примере наказаний за кражу // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 115–117. doi: 10.17223/23088451/26/19

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/19

THE "AMORTIZATION" EFFECT OF INFLATIONARY PROCESSES IN THE IMPOSITION OF CRIMINAL PUNISHMENT: THE EXAMPLE OF PENALTIES FOR THEFT

Marat T. Valeev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mtv666@yandex.ru

Abstract. The imposed punishment "amortizes" the depreciation of the criminal consequence and the attendant increase in the offense's criminalization level. This is supported by the following evidence. First, the share of imprisonment as a punishment is steadily declining, with courts increasingly imposing fines. Second, the amount of the fine specified in the sanction of Part 3, Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation has remained unchanged since 2003, meaning its real value has also been subject to depreciation. This points to another avenue for amortizing the rising criminalization level of this offense: the reduction in the punitive potential of the fine. Third, within the segment of imposed imprisonment for this crime, there is a consistent trend towards shorter sentences. To test the hypothesis's validity, we attempted to determine whether these trends are general and inherent to other offenses as well. The available data do not refute the conclusions drawn. For instance, in 2010, 123 thousand individuals were sentenced to a fine, while in 2020, the number was only 61 thousand. Considering the overall decline in the number of convicted individuals, the proportion of those sentenced to a fine in the conviction structure decreased by 2.99% over ten years. Regarding imprisonment, shorter sentences are occupying an increasingly significant place in the overall punishment structure for crimes. However, for offenses with non-indexed consequences, as in the case of Part 3, Article 158 of the Criminal Code, such growth is significantly more pronounced. For example, while the overall share of imprisonment sentences of up to 1 year increased from 12% to 22% between 2009 and 2023, for the examined offense, it grew from 4% to 25%.

Keywords: criminal punishment, liability for theft

For citation: Valeev, M.T. (2025) The "amortization" effect of inflationary processes in the imposition of criminal punishment: The example of penalties for theft. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 115–117. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/19

В конце 2003 г. законодатель внес ряд изменений в Уголовный кодекс РФ, после которых доход, ущерб, совершение тех или иных уголовно-противоправных действий, в том числе из гл. 21 УК РФ, в привязке к размеру более не исчислялись в «плавающих» условных единицах – минимальных размерах оплаты труда, а стали предусматривать фиксированные твердые суммы и исчисляться в рублях. Переход исчисления

последствий и «размера» преступления с МРОТ на фиксированные суммы имел довольно очевидные преимущества и такие же очевидные недостатки. Первые связаны с большей определенностью, понятностью и предсказуемостью закона. Вторые подразумевают инфляцию и связанные с ней последствия в виде обесценивания денег, падения их покупательной способности и т.д.*

* По данным Росстата инфляция в России составила в 2023 г. 7,42%, 2022 – 11,94%, 2021 – 8,39%, 2020 – 4,9%, 2019 – 3,0%, 2018 – 4,3%, 2017 – 2,5%, 2016 – 5,4%, 2015 – 12,9%, 2014 – 11,3%, 2013 – 6,5%, 2012 – 6,6%, 2011 – 6,1%, 2010 – 8,8%, 2009 – 8,8%, 2008 – 13,3%,

2007 – 11,9%, 2006 – 9,0%, 2005 – 10,9%, 2004 – 11,7%, 2003 г. – 12,0%, т.е. за время действия нормы, изменяющей подход к исчислению последствий инфляция превысила сто процентов.

Деньги, указанные в качестве последствия преступления, имеют определенную покупательную способность. Она не остается неизменной на протяжении времени и, как правило, снижается. Так, по данным Росстата, в 2003 г. один килограмм муки высшего сорта стоил 11,4 руб., в 2010 г. – 21,5 руб., в 2020 г. – 41,6 руб., в 2024 г. – 53,96 руб. Изменение покупательной способности денег, конечно, влияет на преступность деяния – на уровень его криминализации. При фиксированном (неизменном) размере последствия за преступление тем ниже будет фактическая (объективная) граница преступности деяния, чем меньшей покупательной способностью обладают деньги в этом размере. Так, последствие в размере 250 000 рублей, закрепленное за некое преступление в 2003 г., если этот размер оставался неизменным, в 2024 г. при ежегодном уровне инфляции в государстве будет нести уже совершенно иной «заряд преступности деяния». В 2024 г. то же последствие за то же преступление значительно обесценится и не будет отражать реальных представлений законодателя об оценке общественно опасного деяния на момент установления такого размера в 2003 г. Это значит, что если в 2003 г. для квалификации, например, кражи в крупном размере нужно было украсть 22 т пшеничной муки, то в 2024 г. для квалификации этого же хищения достаточно украсть лишь пять тонн. Значит, должна измениться и оценка деяния, данная в санкции, либо законодателем, либо правоприменителем. Идеально, если это делает законодатель. Однако он вряд ли способен с необходимой оперативностью и достаточной гибкостью обеспечивать должную реакцию на подобные изменения, а кроме того, всякий раз это невозможно в силу важного условия последовательной и эффективной уголовной политики – стабильности уголовного закона.

В такой ситуации уместно задаться вопросом: если динамика уровня криминализации, обусловленная обесценением тех фиксированных сумм денежных средств (инфляцией), что указаны в качестве последствий некоторых преступлений с материальными составами, объективно существует, то существует ли соответствующая ей динамика уголовной репрессии со стороны правоприменителя за эти преступления, либо ее уровень (степень) остается неизменным на протяжении времени? Иными словами, происходит ли амортизация (фр. *amortir* – ослаблять, смягчать; лат. *amortisatio* – «ослабление» [1]) повышения уровня криминализации снижением уровня её фактической наказуемости (коль скоро не приходится говорить о снижении этого уровня законодателем)? Отвечая на этот вопрос, мы исходим из гипотезы: *при неизменности размера последствий преступления, фактическое содержание которого меняется в результате инфляции на относительно продолжительном периоде времени, должна наблюдаться динамика снижения размера наказания, ведь раз обесценивается пороговое значение преступления, значит, должна обесцениваться и цена расплаты за это преступление.*

Для ответа на этот вопрос рассмотрим на конкретном примере, верна ли предложенная гипотеза. Как отмечалось выше, изменениями от 25.11.2003 г. № 162-ФЗ [2] в

примечание 4 к ст. 158 УК РФ были внесены изменения – законодатель перешел от определения понятия крупного размера, кратного МРОТ, к фиксированным единицам, определив его превышающим 250 000 рублей. В таком виде норма существует до настоящего времени. При этом санкция нормы ч.3 ст. 158 УК РФ, предусматривающая ответственность за кражу в крупном размере в виде лишения свободы, оставалась с 2003 г. по настоящее время практически неизменной, претерпев некоторые изменения 07.03.2011 г. [3] – исчезла нижняя граница санкции, и если до изменения лишение свободы предусматривалось на срок от двух до шести, то после изменения и по настоящее время «до шести лет». Размер штрафа не изменялся.

С.А. Елисеев справедливо настаивал на эффективности наказания в виде штрафа за преступления корыстной направленности как формирующего у преступника контрмотив и способствующего предупреждению преступления [4. С. 30]. Проследим на графиках, как менялась доля применения лишения свободы, штрафа, условного осуждения за это преступление в течение времени, а также какой была динамика применения сроков лишения свободы (данные в диаграммах приведены с 2009 г. – с этого года они доступны на сайте Судебного департамента при ВС РФ по 2023 г.).

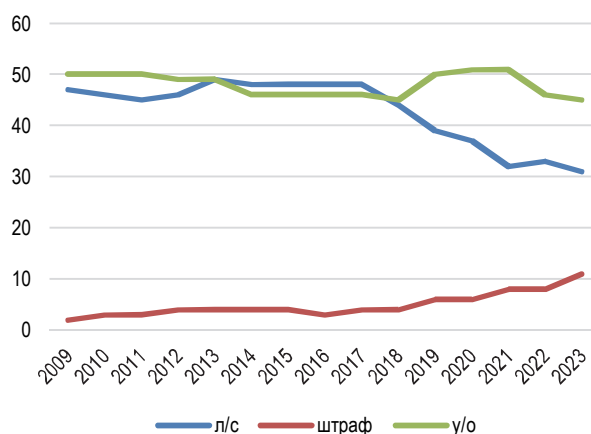

Рис. 1. Динамика наиболее часто применяемых мер по ч. 3 ст. 158 УК РФ, %

Выводы по рис. 1:

1. Доля наказания в виде лишения свободы в структуре применяемых мер к лицам, осужденным по ч. 3 ст. 158 УК РФ, за 14 лет (с 2009 по 2023 г.) имела устойчивую тенденцию к снижению – в среднем на 1,1% ежегодно.

2. Параллельно росло применение альтернативы лишению свободы – штрафа как основного наказания. Прирост составил около 1% ежегодно.

3. Доля условного осуждения оставалась неизменной и колебалась в пределах 46–51%.

Санкция предусматривает лишение свободы до 6 лет. В графике не приводятся сведения о колебаниях санкции в сегменте 5–6 лет в силу отсутствия репрезентативности. На долю этого сегмента в 2009–2023 гг. приходилось менее 1% случаев.

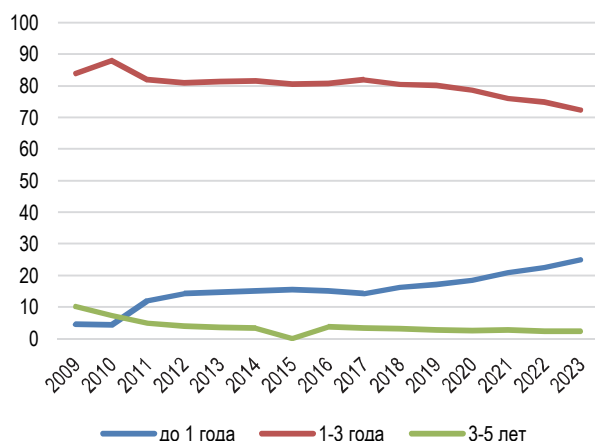

Рис. 2. Динамика структуры наказания в виде лишения свободы, назначаемого по ч. 3 ст. 158 УК РФ, %

Выводы по рис. 2:

1. Лишение свободы в сегменте до 1 года выросло значительно – в 6 раз, т.е. до 25%. Если в 2009 г. лишение свободы в этом размере назначалось в каждом 22-м случае, то в 2023 г. – в каждом 4-м.

2. Лишение свободы в сегменте 1–3 года (на него приходится медиана санкции) имела тенденцию к постепенному снижению с максимума 88% в 2010 г. до минимума 72% в 2023 г.

3. Наказание в сегменте 3–5 лет снизилось более чем в 4 раза – с 10,3 до 2,3%.

Изложенное позволяет настаивать на правильности предложенной гипотезы. Назначаемое наказание «амортизирует» обесценение преступного последствия и происходящее с ним повышение уровня криминализации деяния, что подтверждается следующим. Во-первых, доля наказания в виде лишения свободы неуклонно снижается, суды всё чаще назначают наказание в виде штрафа. Во-вторых, размер штрафа с 2003 г. в санкции ч. 3 ст. 158 УК РФ не менялся, а значит, его размер тоже подвергался обесценению. Это позволяет констатировать еще одно направление амортизации повышения уровня криминализации этого преступления – снижение карательного потенциала штрафа. Во-вторых, наказание в сегменте назначаемого лишения свободы за рассматриваемое преступление имеет устойчивую тенденцию к снижению срока.

Проверяя истинность приведенной выше гипотезы, мы постарались выяснить, не являются ли приведенные тенденции общими, присущими и другим составам. Имеющиеся данные не опровергают полученных выводов. Так, если в 2010 г. к штрафу были приговорены 123 тыс. чел., то в 2020 г. – всего 61 тыс. чел. В процентном соотношении доля осужденных к штрафу в структуре судимости за десять лет снизилась на 2,99%. Что касается лишения свободы, то доля кратких сроков занимает все более значимое место в общей структуре наказаний за преступления. Однако в преступлениях с неизменяющимся последствием, как в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 158 УК РФ, такой рост значительно выше. Так, если в общем доля наказания в виде лишения свободы до 1 года за период с 2009 по 2023 г. выросла с 12 до 22%, то за рассмотренное преступление – с 4 до 25%.

Список источников

1. Малый академический словарь / ред. А.П. Евгеньева. М., 1957–1960 (2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984).
2. Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4848.
3. Собрание законодательства РФ. 14.03.2011. № 11. Ст. 1495.
4. Елисеев С.А. Применение штрафа за корыстные преступления // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 26–31.
5. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 21.10.2025).

References

1. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Malyy akademicheskiy slovar'* [The Concise Academic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2003) 15.12.2003. 50. Art. 4848. (In Russian).
3. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. (2011) 14.03.2011. 11. Art. 1495. (In Russian).
4. Eliseev, S.A. (1980) *Primenenie shtrafa za korystnye prestupleniya* [Application of a Fine for Mercenary Crimes]. In: *Voprosy povysheniya effektivnosti bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Improving the Effectiveness of Crime Control]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 26–31.
5. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation (n.d.) *Judicial Statistics Data*. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/?id=79> (Accessed: 21st October 2025). (In Russian).

Информация об авторе:

Валеев М.Т. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mtv666@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.T. Valeev, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Penal Law and Criminology, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv666@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрана после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.